Василий Аксенов

У ЕЛОВОГО ДОМИКА

Кандибоберовка. Кандибоберовка. Первая - речка, вторая - деревня. В речке холодная ключевая вода, в деревне все, кроме печек и печных труб, деревянное.

Возле старенького, елового, с маленькими оконцами мутного стекла, домика - завалинка. На прогнившем желобнике крыши мох. Наличники некрашены, потрескались. На наличниках - в разные стороны плывут утки. Под средним окном в пыли завалинки купаются курицы. Под правым - выдавленная, увоженная собачьей шерстью, яма. Лежанка Шарика. Под левым окном, что у самых ворот, на завалинке лежит охапка соломы, а рядом с нею покоится квадрат фанеры. На полянке, напротив соломенного гнезда, стоит пузатая лиственная чурка. С чурки давным давно пацаны отколупали серу. Кора оглодилась, но не отвалилась. Витиеватая. Из-за крыши противоположного дома выползает солнце. Лукавое. Упирается лучами в три маленькие оконца. Щупает. За переплетом рамы проявляется старик. Прищурился. Жует - борода ходуном-ходит. Поскреб ногтем стекло. Исчез. Глухо охнула дверь вскоре. В ограде разговор. Непонятен. Внутрь отвалились ворота. Ударились больно о забор. Затихло. Никого: забор ветх, но высок. Уже душно.

- Долго я стоять буду? Сколь тебя еще ждать? Сутки?

Медленно, как летняя ночь, через подворотню переступает дряхлый пес. Два бельма навыкате. Чувствуют, но не зрят. Шерсть, как на прялке кудель - клочьями. На спине пунцовые заплешины.

- Тупай, тупай, слепошарый. Не стопори, - говорящий не виден, говорящий за столбом с проушинами: когда-то там была слега...

Медлительно обошел чурку пес. Достиг края завалинки. Постанывая, поднял на нее передние лапы. И замер. Плавно прикрыли ворота прогал в ограде. За кожаный шнур притянул их старик. Часто переступая, словно трамбуя под собой, отвернулся от ворот к солнцу. Погрозил ему кулачищком пятнистым.

- По репродуктору сравниваюсь. С каждым днем пожже и пожже. Смотри мне. У Пшеничкина Игната не набалуешь, - руки в карманы ватника. Нога в сером, латаном валенке. Другая - на деревяшке с резиновой подметкой. Из прорехи зеленой фланели исподние. Облезлой шапки в стороны уши. Тесемочки повисли. Болтаются. В глазах первородная хитрость.

- Час, час, не скули. Я тебя терпел, теперя ты обожди. Не барин какой, не сдохнешь от минуты.

Старик добрел до пса. Согнулся. Ухватил его за задние ноги. Приподнял на завалинку. Долго в лежке устраивался пес. То так, то эдак располагал лапы. Положил на них морду, отнял. Переустроился. Утих. На носу капли влаги. Бисером. С бельма в землю слеза. Потемнел кружок пыли.

Старик у соломы. Поправил. Взбил. Готово - уселся. Расстегнул дубовыми пальцами ватник. Из-под мышки вынул плюшевую подушечку с медалями и орденами. Сверкнули. Уложил подушечку на фанере. Огляделся. Пощипал георгиевский крест. Сидит довольный. Еще раз, уже по-приятельски, погрозил солнцу: ишь ты. Ему что, светит, поднимается выше. Перед стариком старается.

- Я, Пшеничкин Игнат, шутя дом построил, шутя корову купил, шутя и продал. Шутя бабу завел, шутя и похоронил. Шутя с бабой деток народили, шутя где-то добры люди их в земельку закопали. Шутя и сижу. Шутя и в ус не дую..

Шороборятся куры. Куры чужие, соседские. Нравится им

здесь - пусть возятся. От завалинки не убудет. А веселья боль ше. Курицам-куричье, а Игнату - игнатово. Пусть себе. Спокон веку. .. .. ..

Седня праздник. Седня можно себе разрешить. Старик хлоп нул по карману ватника. Зазвенело. Седня Петров день. Пожертвую маленькой. Да и как ею пожертвовать, ежлив она уже есть, ежлив она в шифоньере стоит. Прозрачная. Деньгою пожертвую. Седня можно.

Из-за угла пацаны. Шумные. Загорелые. Босоногие. Под-- ступают. За майками ворованый горох. Карманы беременны камнями и рогатками. ..

- Здорово, дед Игнат.

- Здорово, коли не дразните. На заработок пришли?

- На заработок, - один за всех, бойкий.

- В прошлый раз я вам наперед отдал и дурак был. Седня расчет после работы. Не хотите, других найду. Желающих - пруд пруди.

- Ладно, давай после работы. А ты не надуешь?

- Как можно. Все по-честному. Вы по совести и я по стыду.

Заскулил Шарик. ..

- Володька, пойди-ка, почещи ему за ухом. У него там болячка. Не шибко только. Не раздери.

.. - За так, что ли? Даром и чирий не садится, - нет у Володьки переднего зуба, под носом и на носу весна.

- Вот выродок. Ладно, накину тебе сверх пятак.

- За пятак не пойду.

- На кино хватит.

- В кино я и так пролезу. ..

.. - Ну и не чеши, плакать будем. Сам почешется, - схитрил дед Игнат. ..

Пошел Володька к собаке.

- Начинайте, - привалился старик к наличнику. Зажмурился.

Мальчишки подняли его ногу на чурку. Валенок сняли. Стянули носок.

- Не суйте его в ним. Пусть обыгает, - старик скрючил пальцы на ноге. Ногти желтые. Треснувшие.

- Культю тоже забросьте.

С ногой рядом легла деревяшка. Как пушка.

- Дед Игнат, тебе щепочкой?

- Пятку щепочкой, а подошву когтями.

- А проволокой?

- Проволокой нельзя, - встрепенулся, открыл старик глаза. Ощупал ими руки пацанов. Закрыл снова. - Поехали. Володька, отстань от Шарика, пятака не увидишь.

Засуетились пацаны. По очереди скребут щепками пятку деду. Щекочут подошву пальцами.

- О-о-о-ой, ой, ой, ой! О-о-о-о-ах, хорошо. Пошибче пяточку, пошибче ее, старую. Так, так. О-о-о-о. Занозу не вгоните. Вот так, вот так исхоженную. Ох, деньги зарабатывают. Ой, конфет-пряников купят. Ох, в кино сбегают труженики.

- Хватит, дед Игнат?

- Дак пошто это?! - приоткрыл - слезятся глаза. - По гривенному еще не заробили.

- Прошлый раз мы меньше чесали.

- Прошлый раз я вам деньги раньше дал. И дурак был. Неправильно было с моей стороны. Не хотите - дело ваше. Других найду, только ведь свисни. О-о-ой, ой-ой! Вовка, не трожь награды - пятак не получишь. О-о-а-а. По два гривенника уже. Шибче, шибче. Ну и ребятишки, ну и молодчары. Еще по две копейки. Ох, разорите старика - на поминки ничего не останется. Седня Петров день, та-а-ак. Через три дни у меня "За боевые заслуги". Должа не окажется, в это же время. А шашнадцатого числа - "Орден Красной Звезды". Прошу пожаловать. О-ой, хорошо. Денег на вас не напасешься. Что дальше, после скажу, шашнадцатого.

- Хватит, дед Игнат. Руки уж пристали.

- Ну еще на копеечку. А там с богом. В магазин.

- Все-о.

- Да все ли? Это на полкопеечки. Ну да будет, приневаливать не стану. И так потрудились. О[т]увайте. О-о-ох.

Обули деда. Достал дед монеты. Расчитался. Вовке на ладонь - отдельно пятак. Взапуски пацаны. Пятки грязные. За углом исчезли. Откинулся дед. Задремал. Дремлет пес. Разбрелись курицы. Щиплют траву. Шевелятся синие губы. Бормочет во сне старик:

- Шутя две германские оттянул, шутя двенадцать рублей, пензию, на дом приносят... Шутя маленькую купил, шутя остограмился... Шутя Дуньку похоронил... Дунькину жакеточку под голову подкладываю... Из нее мне Дуня подушечку для медалей скроила... Ноги у Дуни в синих жилках, жилки с синими узелочками. Скоро свидимся. Пусть подушечку мне на грудь положут, Дуня не видела этой, к тридцатидетию... И Шарика рядом. Было бы кому похоронить. Может, соседи скалятся... Ох, соскучился. Ох, стосковался... - борода мотается.

Уходит на другую сторону солнце. Прощается со стариком. Еловый домик кинул тень. Затрясло пса. Стонет. Разбудил Пшеничкина Игната.

- Чего, шелудивый? Вставай. Подымайся. В избу пойдем.

Замигал бельмами. Поднялся кое-как пес.

- Иди. Думаешь, я к тебе? Нет уж. Давай, давай.

Побрел по завалинке - хвост по земле. Едва равновесие держит. Ткнулся в руку. Заплакал.

- Не реви. До завтра-то уж кого. Доживем. Погреемся.

Спустился старик. Отряхнул штаны. Взял с фанеры подушечку. Сунул под мышку. Застегнулся. Долго застегивался. Устали пальцы. Обхватил пса, снял с завалинки. Поставил на поляну.

- Ух и говна в тебе. Кормить надо меньше. Супок этот тебе седня не дам, лучше сам съем.

Пошли: впереди - пес, сзади - старик.

- Шевелись, шевелись, не путайся. Плетешься как жеребый.

Ткнул ворота. Повалились. Ушиблись об забор. Забору тоже больно.

- Долго тебя ждать? Через подворотню-то уж сам перелезешь. Совсем разленился. Таскай его на руках. Вот оставлю завтре дома.

Перебрался пес. Исчез. Зашел в ограду старик. Отвел от забора ворота. Опустил. Хлопнули. Отлетела доска.

- Вот нечистая. Из-за тебя все, слепошарый, - высунул голову в дыру.

- Завтре первым долгом доску приколотить.

Исчез. Пошел было. Вернулся. Просунул в щель руку. За-

тянул в ограду доску...

- Упрут еще. Народец-то тот.

В ограде разговор. Непонятен. В новую прогалину видна высокая, буйно-зеленая, густая трава. Не колышется. Давно там растет: привыкла.

Журчит Кандибоберовка. Кандибоберовка спит. Из трубы елового домика в ночное небо вылетают искры. Топится печь - холодно ночевать Шарику, зябко в пустой избе Пшеничкину Игнату.

////////